

А. В. Скиперских

Институт права и экономики, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор политических наук (398002, г. Липецк, ул. Гагарина, д. 35А; тел.: (4742) 27-05-80)

ВРЕМЯ И МЕСТО БУНТА: ЕВРОПЕЙСКАЯ И РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ

Каждый случай бунта и сопротивления официальной власти имеет своё пространственно-временное измерение. Сопротивление всегда существует в поле власти, потому как сложно рассчитывать на единодушное подчинение властью – масс. Практики сопротивления есть в каждой политической системе, вырабатывающей собственный опыт взаимодействия с бунтующим человеком.

Рассмотрение бунта в контексте времени и места оказывается оптимальной методологической схемой, позволяющей сопоставить практики бунта в той или иной политической и культурной традиции. Вот и в данной статье автор пытается рассмотреть европейский и русский опыт бунта в пространственно-временной призме.

Наряду с очевидными сходствами практик бунта, предполагающими, что перед нами находится субъект с повышенными ожиданиями в отношении политической системы, могут обнаруживаться и различия, в свою очередь, восходящие к разным культурным традициям и практикам социальной коммуникации. Данная гипотеза подтверждается автором на ряде примеров, в том числе и с помощью обращения к литературным текстам.

бунт; власть; легитимация; протест; сопротивление

Европейская и русская традиция бунта может быть сопоставляться через хронотоп самого бунта. Судя по времени и месту объективации гражданского несогласия, имеет смысл установить как общее, так и особенное в практиках гражданского несогласия как в европейской, так и в русской культурной традиции. В данной статье мы попытаемся выдвинуть гипотезу о том, что европейский и русский человек, расположенные к бунту вовсе не случайно оказываются в конкретном пространстве для бунта. Наоборот, они оказываются связанными некоей культурной предрасположенностью к демонстрации своего несогласия в определённом месте в конкретное время.

Как отмечает М. Бахтин, «культурные и литературные традиции (в том числе и древнейшие) сохраняются и живут не в индивидуальной субъективной памяти отдельного человека и не в какой-то коллективной «психике», но в объективных формах самой культуры (в том числе в языковых и речевых формах), и в этом смысле они межсубъективны и межиндивидуальны (следовательно, и социальные)» [1, с. 397].

Таким образом, в зависимости от той или иной политической системы, можно говорить и о существующей традиции массового выхода на улицы по праздничным дням, особой, специфической карнавальности, которая вполне легко может приобрести политизацию. Именно разница в традиции выхода на улицы и может быть решающей в определении трансформационных возможностей политической системы. Именно общественная активность оказывается решающим фактором социальных трансформаций. В ряде систем общественная энергия

имеет обыкновение накапливаться очень долго и нуждается в длительных пропагандистских приготовлениях. В других случаях, отсутствие каких-либо серьёзных психологических и культурных барьеров в демонстрации собственной индивидуальности является неплохим ускорителем необходимых преобразований.

Хронотопы бунта могут вмещать в себя как городское публичное пространство – улицы, площади, университеты, кафе, спортивные объекты, так и принадлежать самой природе. Тогда перед нами оказывается человек, вопрошающий к природе, пытающийся сопротивляться ей. Вспомним, как в текстах древнегреческого мифа о Геракле происходит очистка авгиевых конюшен с помощью нарушения течения рек, заданного природой. Бунтующий человек пытается укротить природу – он становится похожим на Ксеркса, отдавшего приказ палачам высечь беспокойное море. Необходимо подчеркнуть, что хронотопы природы, где протекает повседневная жизнь бунтующего человека, приобретали популярность в европейской культуре в тот момент, когда цивилизация демонстрировала и внедряла в социальную практику свои новые продукты. Уход от цивилизации мог означать ещё и попытку преодоления репрессии со стороны государственных институтов.

Наоборот, в русской традиции, бунт – индивидуален и продолжителен во времени, потому как терпение есть неотъемлемая черта русской культуры. Сверхмерность терпения русского человека, а также сверхмерное распрямление его в бунте, в артикуляции собственных запросов политическим институтам и самому обществу во многом говорят о некоторой несовершенности русского человека. Как полагают некоторые авторы, в подобных характеристиках как раз и есть тайна русского бунта, не до конца снабжённого доктриной, и, тем самым, обоснованного. В частности, А. Панищев считает, что такая незаконченность есть неременная предпосылка к усилению, к актуализации проблемы выбора между добром и злом, причём «шатость» человека свидетельствует о том, насколько он уязвим перед собственной гордыней, перед прелестью быть человекобогом» [3, с. 89].

На наш взгляд, культурный контекст бунта будет легче исследовать с помощью таких оппозиций, как *теснота – простор* и *провинция- столица*.

Теснота – простор.

Хронотопы бунта в русской культурной традиции отличает определённая теснота, сковывающая субъекта в движении, доставляющая ему даже некий дискомфорт. Европейское тяготение к расширению и демонстративной публичности сворачивается до комнаты, переулка, лестницы, подъезда. Именно в подъездах поджидают свою жертву русские бомбисты – народовольцы. Именно преодоление проходных дворов и подъёмов/спусков по чёрным лестницам учащают их дыхание.

Вспомним, как много для советской интеллигенции означало пространство кухни, на которой могли вестись жаркие споры об оптимальном общественном устройстве. Хронотоп кухни является адекватным не только времени хрущёвской оттепели, но и времени брежневского застоя. Кухня является альтернативным пространством для бунта, что привлекает человека, не способного публично и безрассудно выразить своё гражданское «Нет». Можно представить себе советскую кухню, не отличавшуюся сколько-нибудь внушительными размерами. С другой стороны, это могло породить особую чувствительность друг к другу. Вспомним, как у О. Мандельштама: «Мы с тобой на кухне посидим, сладко пахнет белый керосин».

Бунтари в русской культуре, как правило, сдавлены невыносимостью бытия в маленьких комнатках. Вспомним, в каких стеснённых условиях живёт в «Бесах» Ф. Достоевского нигилист Кириллов. Во флигеле нигилиста «сени и первые две комнаты были темны, но в последней, в которой Кириллов жил и пил чай, сиял свет и слышался смех и какие-то странные вскрикивания» [2, с. 211].

В довольно лаконичных условиях живёт в Санкт-Петербурге герой С. Бодрова в фильме «Брат» – Данила Багров, с поправкой на постиндустриальный комфорт.

Хронотоп, в котором развёрнута жизнь индивида, задаёт некий горизонт бунта, его перспективу. В случае, с ограниченным пространством, вопросы субъекта бунта будут чаще обращены к себе. Наоборот, существование широкого горизонта создаёт несколько иные предпосылки для бунта, предопределяя градус культурной терпимости индивида/индивидов.

М. Пришвин как-то отметит, что «на море человека нельзя так унижить, как в лесу и на пашне» [4, с. 279]. На наш взгляд, мысль русского философа как раз находит то пространственное различие, которое может явиться и решающим в определении готовности субъекта к реализации права на бунт.

Изначально европейское жизненное пространство кажется более «проработанным» человеком, более эргономичным и умным. Человек, преобразовывавший его, представляется довольно самодостаточным, что влияет на его мироощущение. Если посмотреть на пространственную организацию Европы, то окажется, что она в большей степени окружена водой, нежели Россия, и, стало быть, гораздо большее количество населения (учитывая изначально высокую плотность населения в Европе) живёт возле морей и океана. Горизонт воды предоставляет человеку дополнительные стимулы для выражения несогласия, потому как именно он становится частью повседневности человека. Попраirie порядка, к которому привык человек, означает попытку отлучения его от специфического ландшафта, в котором море/океан (как уникальная система культурной памяти) играет ключевую роль.

Взгляд человека, живущего на море, чаще обращён вперёд, нежели взгляд человека, большую часть жизни проводящего на земле, и вынужденного всё время обслуживать землю (посев, обработка земли, сбор урожая, оформление земли, земельных паёв, садовых участков). Это делает человека более неприветливым, менее мобильным, порождает новые формы зависимости.

Наоборот, стремление к жизни у моря означает некую мечту, тяготение к большим объёмам свободы и независимости от инстанций власти. Человек, живущий у моря, более мобилен и авантюрен. Таков древнегреческий Одиссей.

Что касается бытия свободолюбивого и свободомыслящего человека в условиях авторитарной и тоталитарной политической практики, то его стремление избежать политической репрессии со стороны официальных институций может быть специфической жизненной установкой. Вспомним строчки из «Писем к римскому другу» И. Бродского: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в провинции, у моря».

Может показаться, что реализовать своё право на бунт в провинции проще, нежели в большом городе, в столице.

Провинция – столица.

Бунтующий человек в провинции и бунтующий человек в столичном городе отличаются между собой. При общих сходствах необходимости протестного выражения необходимо увидеть и различия, скрывающиеся в характеристиках публичного пространства.

Бунтующий человек в провинции лишён той анонимности, которая может существовать у него в столице, поэтому, в каком-то смысле, он рискует в большей степени, выставляя себя напоказ и сталкиваясь напрямую с репрессивными институтами. Безусловно, бунтующий человек в столице обладает неким преимуществом в данном смысле перед бунтующим провинциалом.

Протест человека в столице может редуцироваться самой столицей, особенностями её архитектурного и социального построения, далеко разносящего протестный месседж. Наоборот, провинциальный протест не имеет возможности редуцироваться самой провинцией и особенностями её пространственно-территориального паспорта. Как однажды отметит Л. Шестов, «дальние улицы жизни не представляют тех удобств, которыми привыкли пользоваться обитатели городских центров» [6, с. 47].

Существование оппозиции центр – провинция, а также её несомненный политический контекст определённо означают, что «именно в центре политическая жизнь приобретает настоящее напряжение – провинция же улавливает сердцебиение центра уже после того, как оно получило ускорительный импульс. Центр – законодатель моды для провинции, главный поставщик символов и смыслов. Провинция чутко реагирует на изменение политической, социальной и культурной конъюнктуры и моментально копирует у себя новые тренды, установленные и апробированные модным центром» [5, с. 10].

Отсюда, любой месседж, поступающий из столицы является специфическим руководством к действию.

Тело бунтующего человека испытывает разный объём нагрузки в зависимости от пространственных спецификаций протеста. Как уже отмечалось нами, в провинции протестовать сложнее. Вытеснение протеста на периферию, посредством создания довольно сложных институциональных рамок для протеста, его юридической легитимации, как раз и связывается с усложнением задачи для потенциального протестанта. Вытеснение протеста на периферию, придание протесту «провинциального» формата (даже если он пытается объективироваться в столице) порождает дополнительные нагрузки на социальное тело.

Наоборот, европейская протестная практика выглядит куда более ровной, ввиду того, что, начиная от столицы и заканчивая провинцией, протест имеет некую общую трансмиссию и индустрию. Отсутствие значительных расстояний, отделяющих центр и периферию, вряд ли могут создавать у индивида ощущение заброшенности в бунте.

Таким образом, наряду с общими признаками бунта, характерными, как для европейской, так и для русской практики, и представляющими собой наличие субъекта с повышенными ожиданиями и неудовлетворёнными желаниями, социально-экономической ситуации, объективирующей сам бунт и др., могут быть и особенные признаки, в большинстве своём восходящие к ценностным мотивам бунта и разной степени терпимости.

Наряду с отмеченными сходствами и различиями, необходимо учитывать, что их создаёт и пространственно-временной контекст, являющийся характерным признаком той или иной культурной традиции. Как нам уже удалось отметить, между европейской и русской традицией бунта есть довольно много различий, базирующихся именно на разном ощущении бунтующими людьми своей социальной природы, эстетического и материального мира, а также самой природы.

Библиографический список:

1. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. *Достоевский Ф.* Бесы. Киев: Борисфен, 1994.
3. *Панищев А. Л.* Русский Ренессанс: человек между Богом и бесом. М.: Академия Естествознания, 2007.
4. *Пришвин М.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Дневники, 1905–1954. М.: Художественная литература, 1986.
5. *Скиперских А. В.* Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк: Гравис, 2013.
6. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991.